

УДК 81:1; 115

МЫСЛЕДЕЙСТВИЯ И ГЕНЕЗИС ВРЕМЕНИ В ЯЗЫКОВОМ СЕМИОЗИСЕ

А. Д. Охоцимский¹, А. В. Кравченко², А. С. Дружинин³

¹ Независимый исследователь,

Грунстраат 169, Лёвен 3001, Бельгия

² Байкальский государственный университет
664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11

³ Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76

Поступила в редакцию 03.01.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2021-2-1

Генезис времени трактуется авторами в духе конструктивизма в сочетании с деятельностным подходом к познанию. Базовые временные категории настоящего, прошлого и будущего рассматриваются как система мыслейдействий – элементарных единиц деятельности, – структура которой обусловлена языковым семиозисом. Модель феноменологии времени Гуссерля применяется к анализу переживания субъектом собственных действий. Показано, что если переживаемое настоящее основано на совершаемых действиях, то прошлое и будущее конструируются рефлексивными мыслейдействиями в когнитивной сфере языка. Подчеркивается, что организация временного ряда, связывающего то, что есть, с тем, чего уже нет или еще нет, возможна лишь в языковом семиозисе. Аналогия с гуссерлевской трехчастной структурой потока сознания-времени помогает понять триаду «настоящее – прошлое – будущее» как пример эпистемологической ловушки языка: прошлое и будущее – это мысленные конструкции, так же принадлежащие настоящему, как и любые другие акты мысли.

Ключевые слова: эпистемология, конструктивизм, феноменология, язык, действие, темпоральность

1. Введение

Несмотря на интуитивную очевидность понятия «время» и обилие посвященной ему литературы, метафизика времени остается загадочной. На это обращал внимание еще Св. Августин: «Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» (1992, с. 167). Затруднение здесь связано с тем, что понятие «время» настолько тесно вплетено в когнитивный процесс, что приступить к его анализу можно, лишь четко определившись с эпистемологической моделью и методологией, детерми-

нирующей логику предпринимаемого анализа, включая и само понятие «знание» (Kuhn, 1977). В данной работе мы опираемся на биологический подход к когнитии и языку (Maturana, 1970; 1978; 1988; Maturana, Varela 1984; Stewart, Gapenne, Di Paolo, 2011; Ward, Silverman, Villalobos, 2017), характерный для третьего поколения когнитивной науки (Кравченко, 2009) и философии (радикального) конструктивизма (Steffe, 2007).

Если в когнитивной науке первого поколения процесс познания (cognition) рассматривался в рамках компьютерной модели как набор вычислительных операций, совершаемых с символическими репрезентациями при помощи врожденных алгоритмов (Chomsky, 1975), то в когнитивизме второго поколения ментальные структуры возникают из телесного опыта, то есть сознание корпорально (воплощено) (Damasio, 1999; Lakoff, Johnson, 1999). Когнитивная наука третьего поколения выходит за рамки тела и рассматривает познание как синоним жизненного процесса в целом: «Живые системы — это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой процесс познания» (Матурана, 1995, с. 103). Это значит, что «всякое действие есть познание, всякое познание есть действие» (Матурана, Варела, 2001, с. 23); действия познающего организма конструируют его действительность как когнитивную нишу, в результате чего образуется единая система «организм-среда» (Järvilehto, 1998). Зародившийся в лоне теоретической биологии конструктивизм сочетает натурализм с анализом субъективного опыта в рамках феноменологических подходов.

Роль и место феноменологического метода в конструктивизме были предметом многих дискуссий. Если на первых порах подход Гуссерля подвергался критике за его абстрактный характер, игнорирующий как телесный, так и деятельностный компонент познания (Varela, Thompson, Rosch, 1991), то позднее включение феноменологии в инструментарий науки о сознании было признано необходимым (Gallagher, Varela, 2003; Thompson, 2007). Феноменологический метод становится инструментом анализа субъективности, понимаемой по-новому, как живой опыт активного субъекта в реляционной (семиотической) области взаимодействий — динамичной системе его отношений со средой (и, шире, миром), — а сама наука о сознании видится в междисциплинарной перспективе, в которой философия теряет свою отделенность от конкретных наук и становится теоретическим разделом когнитивной науки (Urban, 2016). Конструктивизм в таком понимании не противоречит деятельностному подходу, основательно разработанному в отечественной психологии (Рубинштейн, 1940; Леонтьев, 1975), и может рассматриваться как его развитие в рамках «конструктивного реализма» (Лекторский, 2018). Именно на таком понимании конструктивизма основан наш подход к понятию времени.

Человеческая система «организм-среда» уникальна наличием особой когнитивной области языковых взаимодействий, в которой человек эволюционирует как наблюдатель, способный к конструированию мира в языке. Чтобы понять этот мир, необходимо понять функциональную роль языкового семиозиса в концептуализации и категоризации

переживаемого опыта наблюдаемого мира (Kravchenko, 2020; Druzhinin, 2020) — в том числе и опыта того, что мы называем временем, поэтому феноменологическое исследование «до-рефлексивного опыта сознания-времени» (Zahavi, 2003) должно сочетаться с анализом семантики базовых временных категорий. Субъект познания как «сущность, осознающая себя в языке» (Maturana, 1990, p. 115), осмысляет темпоральный опыт через призму языковых представлений: так называемая «объективная реальность» предстает перед наивным наблюдателем в том виде, в каком она конструируется в языке. Попадая в «эпистемологическую ловушку языка» (Кравченко, 2016), человек представляет себе настоящее, прошлое и будущее как три семантически равнозначные временные области, хотя на самом деле прошлое и будущее суть акты мышления, принадлежащие «бевременному», бесконечному настоящему «теперь» (Heidegger, 1927) в его полном — и единственно верном в последовательно научном смысле — понимании. От феноменологии темпорального опыта тянется нить к его осмыслению в языковом семиозисе.

Следуя намеченной ранее исследовательской линии (Gallagher, Varela, 2003), мы начинаем анализ восприятия времени с применения трехчастной модели Гуссерля (первичное восприятие, ретенция, протенция) к переживанию субъектом собственной деятельности, темп которой воспринимается как ход времени. При этом основным структурным элементом как деятельности, так и времени оказывается мыследействие, понимаемое как синергия наблюдаемого действия (при его наличии) и связанных с ним актов мысли, либо как ненаблюдаемое действие особого вида, имеющее характерную для языкового семиозиса реляционную динамику и осуществляемое на нейрофизиологическом уровне¹. Мыследействия служат строительным материалом всех трех временных областей (настоящего, прошлого и будущего), смысловая структура которых формируется в когнитивной сфере языкового семиозиса. При этом проживаемое настоящее субъекта строится как временной ряд совершаемых им действий, а его прошлое и будущее конструируются рефлексивными актами мысли из материала ре-презентированного² опыта и мысленных действий. Трехчастная структура базового понятия времени, представленная во многих (хотя и не во всех) языках, определяет наше «конструирование» времени, когда прошлое и будущее мыслятся как временные области, отдельные от настоящего.

Нужно отметить, что концептуализация времени современным человеком идет намного дальше базового трехчастного деления и имеет

¹ Г.П. Щедровицкий (1995, с. 114–134) интерпретировал «мыследействие» как процесс воплощения в жизнь результатов мыследеятельности, трактуемой как коллективное мышление особого типа. В данной статье мыследействием называется единичный акт индивидуальной деятельности, понимаемой холистически, в единстве внутренних и внешних процессов (Охоцимский, 2018а; 2018б).

² Ре-презентация — это мысленный акт «вновь-представления» элементов перцептуального опыта вне сферы прямого чувственного восприятия (Glaserfeld, 1995, p. 94).

выраженный количественный характер. Время как измеримый ресурс — это среда обитания современного человека и структурная основа организации его социальной деятельности. Это «объективное», как бы заданное извне, время подчиняет всех своему расписанию, которое мы не в состоянии изменить. Но наряду с этим социально-техническим временем продолжает существовать более архаичный и, в известном смысле, более естественный тип концептуализации темпоральности, данной в непосредственном восприятии ритма жизненного процесса и последовательности действий и событий. Приехав из города на дачу, мы радуемся возможности «забыть про время». Погрузившись в работу или увлекшись другими занятиями, мы воспринимаем сам темп деятельности как ход времени. Именно о таком экспериенциальном времени идет речь в данной работе, так как именно в нем следует искать древние корни категорий настоящего, прошедшего и будущего. Мы начнем с более детального сопоставления «объективного» и экспериенциального³ подходов к концептуализации времени, а затем, после краткого разъяснения понятия «мыследействие», перейдем к анализу трех основных временных категорий.

2. Время абсолютное и экспериенциальное

Концепт времени в современном массовом сознании строится на основе ньютоновских понятий абсолютного пространства и абсолютно-го времени, которые понимаются как изначально пустые контейнеры вещей, событий и явлений. Если пространство вмещает в себя все одно-временные состояния, то время мыслится как некая ось, на которую нанизываются следующие друг за другом события.

Однако модель абсолютного времени представляется наивной и неполной с позиций современной физики. Теория относительности и квантовая механика показали зависимость результатов измерения времени не только от действий субъекта, но и от самого процесса измерения — тем не менее эти научные данные мало влияют на понимание времени в обычной жизни. Общедоступность сигналов точного времени лишь усиливает иллюзию существования времени как объективной внешней реальности, как некоей абсолютной системы отсчета секунд, минут и часов, вынесенной за пределы повседневного бытия и задающей ритм всех процессов и действий. Между тем в действительности сами системы «хранения» времени далеко не абсолютны, они состоят из набора атомных часов, далеко отстоящих друг от друга и непрерывно сопоставляемых при помощи сложных процедур. В целях его «абсолютизации» атомное время периодически сверяют с результатами астрономических измерений — так устанавливается некоторая рассогласо-

³ Такое понимание времени было бы не совсем верно назвать «субъективным», так как его примеры нетрудно обнаружить среди неевропейских культур. Так, в культуре индейцев пирахан организующая функция времени выражена слабо в связи с их монотонно-неизменным образом жизни, и это находит отражение во временной лексике языка (Everett, 2008; Кошелев, 2018).

ванность двух шкал времени, которая раз в несколько лет компенсируется пропусками так называемых високосных секунд, даты которых определяет международная комиссия. Практика метрологии времени подтверждает справедливость реляционного подхода, согласно которому концепт «время» возникает в сопоставлении темпов протекания разных процессов (Wittgenstein, 1922, p. 86). Никакого общего для всех абсолютного времени нет. Время — это мысленный конструкт, который познается в «процессе координирования движений, включая их темп» (Piaget 1970, p. 60) и связан с ощущением быстроты выполняемых действий.

Модель абсолютного времени страдает еще от одного недостатка. Ньютоновская временная ось состоит из однородных по содержанию моментов, не отличающихся между собой ни концептуально, ни эмпирически. В этой модели настоящее — это лишь один момент среди прочих. Однако настоящее — это не произвольная точка на хронологической линии, а весь предметно-пространственный континуум в совокупности его состояний и динамики, включающий и нас самих (ср. с лат. *praesens* 'то, что перед чувствами'). Понятие настоящего как момента времени противоречиво, так как этот момент, с одной стороны, статичен в своем качестве всегда-настоящего, а с другой — непрерывно движется по временной оси (Кравченко, 1990; Deutsch, 1997). Прошлое — это память о событиях, приведших к настоящему как воспринимаемой реальности, прогнозируемую способность которой изменяться в дальнейшем мы называем будущим. Прошлое и будущее как категории языка отражают феноменологию времени, а не его физическую модель: время вне человека не существует (Кравченко, 1996, гл. 3).

Логико-семантический анализ темпоральной лексики в русском языке (Арутюнова, 1999) показывает, что характер переживания времени зависит как от точки зрения, так и от направления интенции субъекта, которого можно представить себе как путника, идущего по дороге жизни (этимологически *время* восходит к др.-инд. *vártma* 'колея, рытвина, дорога' (Фасмер, 1986, с. 361)). Во многих случаях словообразовательная семантика отражает парадигму «традиционного пути», которая предписывает обращать взор в прошлое (Guéron, 1945): мы *след*-уем проторенным путем *в-след* за своими *пред*-ками или *пред*-шественниками, которые идут *в-перед*-и нас, а уже потом, после нас *след*-уют *потом*-ки. В традиционной модели время циклично, и все проходят один и тот же путь от рождения к смерти, возвращаясь «на круги своя». Другая часть лексики, напротив, выражает обращенность в будущее и отвечает мировидению человека, активно создающего лучшее будущее для себя и потомства. «Перед» разворачивается в сторону будущего, а направление «назад» указывает на прошлое. Мы *предвидим* события *предстоящей* недели и стараемся *впередь* быть осторожнее, а если мы оглядываемся *назад*, то видим, что все осталось *позади*.

Временные категории выражаются противоречивыми метафорами потому, что прямое восприятие так называемого «объективного» времени недоступно человеку. Время не является ни предметом, ни процессом, ни качеством — это понятие, отображающее наше осмысление динамического аспекта переживаемого опыта. Можно утверждать с до-

стоверностью, что на нашем внутреннем, семантическом «циферблате» присутствуют области прошедшего и будущего, отделяемые друг от друга настоящим как потоком чувственно переживаемого опыта, в котором мы все время находимся, однако никакая его часть не отвечает прямо ни прошлому, ни будущему как онтологическим областям так называемой «объективной» реальности. И то, и другое — это акты мысли, операции над абстракциями, составляющими процесс языкового семиозиса как ориентирующего механизма во взаимодействиях человека со средой (Кравченко, 2019а); их назначение — помочь нам ориентироваться в настоящем.

Фундаментальные понятия пространства и времени имеют смысл лишь постольку, поскольку они относятся к осуществляемым или возможным человеческим действиям (то есть имеют операциональную природу) (Bridgman, 1958). Психологические данные по восприятию временных длительностей подтверждают, что темп субъективно воспринимаемого времени определяется интенсивностью собственных действий. Действует «закон заполненного временного отрезка» (Рубинштейн, 2002, с. 302): чем более заполненным действиями и, значит, расчлененным на маленькие интервалы является отрезок времени, тем более длительным он кажется. В опасных ситуациях восприятие обостряется, и ход времени почти останавливается (Леонов, Лебедев, 1971). Думая, что мы воспринимаем время, мы фактически воспринимаем себя и свою когнитивную динамику. Темп действий задает «ход времени». Но если человек «строит» свое настоящее (*praesens*) из действий, непосредственно данных в восприятии, то прошлое и будущее он (*re-*)конструирует из действий мыслимых как части накопленного опыта, опосредованного языковым семиозисом и сохраняющегося в памяти. Концепт мыследействия, выражающий системное единство совершаемых и мыслимых действий, поможет нам осмыслить три фундаментальные временные области как три семиотических компонента единого экспериенциального континуума.

3. Действия, мысли и мыследействия

Идея синергии мысли и действия не нова — еще классики отечественной психологии утверждали единство деятельности и мышления (Рубинштейн, 2002). Однако если считать действие внешней реализацией мысли, а мысль — внутренним действием, нельзя преодолеть идущий от Декарта дуализм, присущий рационалистической философии (Damasio, 1994). Подход к познанию как жизненному процессу в системе «человеческий организм — среда» позволяет рассматривать мысль и действие как единое целое, характеризующее актуальную динамику живой системы в ее адаптивных взаимодействиях со средой (Кравченко, 2017). Чтобы понять биологические и нейрофизиологические процессы, лежащие в основании того, что мы называем мышлением, его необходимо рассматривать как динамические состояния высокоорганизованной живой системы (системы, обладающей центральной нервной системой), рекурсивные взаимодействия с которыми становят-

ся компонентами поведения в консенсуальной области. Эти компоненты имеют реляционный характер, поскольку относятся к реляционному способу существования – языку как координациям координаций поведения (Maturana, 1978), поэтому про мышление нельзя сказать, что оно локализовано в мозге либо является результатом уникальной работы человеческого мозга; оно возникает по мере того, как мозг принимает участие в порождении поведенческой реляционной динамики – языка как когнитивной области взаимодействий. Другими словами, «человеческий мозг мыслит языком (in language)» (Maturana, Mpodosis, Letelier, 1995, p. 24), а мышление – это особый вид деятельности в реляционной области языка как способа жизни «человека говорящего».

В терминах нейрофизиологии речь идет о механизмах управления действиями, которые также откликаются на совершение тех же действий другими людьми, – именно такой механизм лежит в основе восприятия действий (Rizzolatti, Sinigaglia, 2010). Действия следует отличать как от естественных физиологических процессов (например, пищеварения), так и от движений. Действия целенаправленны, осознаны, социально обусловлены и, как правило, опосредованы использованием орудий и инструментов культуры (Выготский, 1934). В биомеханике действия понимаются как организованный набор движений, направленных на достижение определенной цели (Бернштейн, 1990). В разграничении действий от моторики существенную роль играет внимание. Действие совершается намеренно и находится в зоне внимания, а составляющие его движения совершаются автоматически, хотя при необходимости могут перейти в зону внимания и тем самым приобрести статус действий. И, напротив, хорошо отработанное действие может совершаться автоматически⁴, способствуя переключению внимания на действия более высокого уровня, вплоть до мысленных действий, существование которых дополнительно оправдывает использование термина *мыследействие*. Акты воспоминаний, формирующие наше прошлое, – это тоже разновидность мыследействий.

Действиям отвечает особый вид памяти, отличный от хорошо знакомой нам эпизодической (биографической) памяти, формирующей временную структуру прошлого. Память на действия, которую психологи называют неявной или процедурной, хранит программы действий, то есть то, что мы обычно называем навыками или умениями. Из них соткана ткань нашей деятельности – мы делаем лишь то, что мы умеем делать. Так как наш организм как живая система эволюционно приспособлен в первую очередь именно к действиям, этот вид памяти для нас наиболее органичен и не требует явных актов запоминания и вспоминания, так как и то и другое происходит при совершении действия или при его мысленном проигрывании. Навык отрабатывается путем повторения, при этом индивидуальные акты действия абстрагируются в умение что-то делать как особую форму знания. Навыки дей-

⁴ Действия, отработанные до автоматизма, в теории действий называют «операциями» (Леонтьев, 1975; Bedny, Karwowski, 2007) и рассматривают как структурные единицы действий.

ствий запоминаются прочно, надолго и без явных усилий. Однажды научившись играть в пинг-понг, мы будем играть примерно так же и через 5, и через 10 лет. Такие усвоенные умения — будь то двигательные или умственные — и составляют ядро того, что мы назвали мыследействиями. В отличие от биографической памяти, навык действия не имеет временного штампа. Он всегда отвечает актуальному умению что-то делать, и в этом смысле мыследействия сами по себе вне времени.

Бергсон (Bergson, 2004) первым выделил эти два вида памяти — память тела (действия) и память духа (события) — и противопоставил их друг другу. Оба вида памяти работают вместе в (вос-)создании временной области прошлого. Эпизодическая память предоставляет нам отдельные штрихи прошлого, которое мы облачаем в живые образы с использованием актуальных сенсомоторных навыков-мыследействий. Это же относится и к будущему, которое оживает мыследействиями из сегодняшнего арсенала, так как других просто нет. Мыследействия служат материалом как для реконструкции прошлого, так и для создания будущего, но при этом смысловая структура этих временных областей определяется рефлексивными актами мысли, маркирующими как воспоминания, так и акты воображения путем соотношения их с другими событиями или с хронологическими метками. Сами процессы формирования и переживания воспоминаний или планов на будущее требуют своего рода навыка и тем самым принадлежат категории мыследействий. Хотя мыследействия могут и относиться, и относиться к планам прошедшего или будущего, сами по себе они всегда совершаются в настоящем, основными строительными блоками которого служат актуально совершаемые действия. Рассмотрим феноменологию настоящего подробнее.

4. Интенсивное настоящее: время действий

В основе понятия «настоящее (время)» лежит непосредственное восприятие человеком всего того, что образует его когнитивную область (область взаимодействий со средой) как живой системы, и в этом качестве оно является адекватным предметом феноменологического анализа. Настоящее — это не временная точка, а когнитивный динамический континуум, интегрирующий уходящее прошлое и наступающее будущее в единый экспериенциальный поток. «Сейчас» — это не просто краткий отрезок времени, а «многость» настоящего (*moreness of the present* (Gendlin, 1997)). «Сейчас» имеет протяженность и открыто как в прошлое, так и в будущее. Рефлексивные мыследействия, ре-презентирующие прошлое и конструирующие будущее, дополнительно обогащают «многость» настоящего и будут рассматриваться более детально в следующих разделах, тогда как здесь мы сосредоточимся на «настоящем» настоящем.

Феноменология настоящего, детально разработанная Гуссерлем (Husserl, 1991), подтверждается нейрофизиологическими исследованиями (Gallagher, 2005). Кратковременная память хранит в течение нескольких секунд детальную сенсомоторную информацию и позволяет

оценивать динамику происходящего. Эта разновидность памяти — прямое и постепенно ослабевающее удержание первичного воздействия — и есть то, что Гуссерль назвал ретенцией. Строго говоря, все, что мы воспринимаем, — это ретенция, так как даже процесс обработки первичной зрительной информации занимает около 150 мсек (Schmidt, Lee, 1999), поэтому принятие текущих решений уже само по себе включает экстраполяцию недавнего прошлого в ближайшее будущее (в терминологии Гуссерля — протенцию). Ретенция и протенция неосознанны и кратковременны, и их следует отличать от осознанных мысленных действий воспоминания и предвосхищения, в которых воссоздается прошлое и предугадывается будущее. И то и другое — это интенциональные акты; воспоминания и ожидания могут переживаться по отдельности, тогда как ретенция и протенция имеют смысл лишь как аналитически выделяемые компоненты в составе единого экспериенциального потока, лежащего в основании осознания времени как концептуализированной в языковом семиозисе области переживаемого, прожитого и предвосхищаемого опыта взаимодействий с миром.

Трехчастная модель, включающая первичное восприятие, ретенцию и протенцию, верно схватывает сложную синтетическую структуру настоящего. Более того, она подводит к мысли, что настоящее есть нечто составное, а, следовательно, созидаемое, конструируемое. Но, оставаясь в рамках феноменологии Гуссерля, трудно уловить подлинную природу этого созидания — феноменология описывает чистое восприятие, абстрагированное от жизненного контекста. Она неявно предполагает пассивного субъекта и сводит взаимодействие с внешним миром к внимательному наблюдению. Это и неудивительно, ведь феноменология выросла из классического субъективизма: Юм и Беркли писали от лица мыслящего созерцателя, этакое «кабинетного философа».

Связь философии с элитарностью и досугом прослеживается начиная с диалогов Платона. Арендт (Arendt, 1998) убедительно разъяснила таблицу о рангах классической Греции, где труд (крестьянский или рабский) и работа (ремесленников) относились к низшим категориям деятельности, а высшими считались политические и философские занятия, которым элита предавалась по собственному желанию. При этом подразумевалось, что работа есть нечто вынужденное и что полностью свободный человек свободен и от необходимости работать. Неудивительно, что установка на созерцательность и осмысление пассивного восприятия вплоть до недавнего времени доминировала в философской мысли⁵.

Конструктивистская философия рассматривает активную человеческую деятельность как основу бытия и восприятия мира. К концу прошлого столетия в развитых странах сформировалось общество, в котором профессиональная умственная деятельность приобрела статус работы, а сама работа стала вопросом этического выбора. Даже такие

⁵ На известном рисунке Маха представлено поле зрения человека, возлежащего в верхней одежде на софе и созерцающего свои ноги, бровь, часть носа, ус и окружающую комнату (Mach, 1959).

«свободные» профессии, как политика, искусство и бизнес, не говоря уже о науке, стали относить к категории труда. Существенно и то, что мы живем в индустриально созданном мире, сконструированном из продуктов человеческой деятельности, поэтому неудивительно, что в современном осмыслении действительности все больший вес приобретают подходы конструктивистского плана, в которых на первое место выходит деятельность в своем формирующем, созидательном аспекте, а восприятию отводится подчиненная, почти инструментальная роль (Ноё, 2006). «Пассивная» феноменология представляется явно недостаточной и должна быть дополнена деятельностным подходом (Thompson, 2007). «Интенсивное настоящее» следует проанализировать не только как поток восприятия, но и как деятельностный процесс: сколько-нибудь полная феноменология времени должна включать и феноменологию действий, при этом базовая трехчастная структура (первичное восприятие, ретенция, протенция) сохраняется, но модулируется применительно к более сложной и многомерной модели настоящего, включающей собственные действия. Здесь мы рассмотрим две модуляции такого рода. Во-первых, это фоновое восприятие окружения как пространственного контекста деятельности. Во-вторых, это восприятие субъектом процесса собственного действия.

Фокусируясь на своих действиях, мы в то же время следим за обстановкой и быстро реагируем на неожиданные сигналы — например, если кто-то позовет нас по имени. Здесь мы имеем дело с важным типом ментальных процессов, которые можно назвать полу-осознанными — когда мы знаем, чем заняты, но эта занятость находится вне сферы сфокусированного внимания⁶. На фоне этого потока восприятия разворачиваются основные события, находящиеся в фокусе внимания. Таким образом, осознание времени дано нам как минимум в двух планах — в плане восприятия динамики фоновой ситуации и в плане целенаправленной деятельности, причем каждый план настоящего имеет свою трехчастную структуру. Поскольку нас интересуют темпоральные аспекты осознанной деятельности, остановимся на том, как восприятие человеком собственных действий (традиционно разделяемых на физические и умственные) зависит от проприоцепции и принципиально отличается от восприятия «внешних» явлений.

Применительно к анализу собственной активности нужно констатировать, что базовая трехчастная структура настоящего сохраняется. Так, произнося фразу, мы помним уже сказанные слова (ретенция) и знаем, что еще не сказано (протенция) (Gallagher, 2005), при этом наше внимание сосредоточено именно на том, что еще предстоит сказать, и мы уже пытаемся представить себе, будет ли смысл всей фразы соответствовать нашему замыслу. Действие предполагает сфокусированность

⁶ К этой категории явлений относятся движения. Мы знаем, что двигаем ногами, когда ходим, но не следим за этими движениями в процессе ходьбы, а заняты передвижением по маршруту. В эту категорию попадает и значительная часть умственной работы. К примеру, композитор знает, что он сочиняет музыку, но вряд ли сможет объяснить, как он это делает.

внимания на ближайшем будущем, а не на недавнем прошлом. Если Гуссерль уделял основное внимание ретенции, то в феноменологии собственных действий ретенция уже не играет ключевой роли. В самом деле, результат прошлых действий виден в настоящем, и его уже нельзя изменить. Программа действия известна заранее, и важно лишь то, на каком этапе ее осуществления мы находимся. Надежность протенции определяется намеренным характером действия и предшествовавшим опытом. Мы экстраполируем в будущее собственное действие с гораздо большей степенью уверенности, чем результаты наблюдений того, что от нас не зависит. Мы знаем, чего мы хотим, к чему мы стремимся и что мы для этого делаем. Механизм протенции определяет чувство субъектности действия, которое необходимо для нормального переживания его темпоральной структуры. Известно, что нарушения чувства авторства своих действий у больных шизофренией коррелируют с нарушениями нормального восприятия времени: многим пациентам время представляется застывшим или циклическим, а собственные действия — бесцельными (Gallagher, 2005).

Особенности временного ощущения действия сопряжены не только с чувством субъектности, но и с тем, что действие — это квант осознанной деятельности, его элементарная, неделимая единица (Рубинштейн, 2002; Bedny, Karwowski, 2007). Неделимость действия связана с его целенаправленностью. Благодаря тому, что действие осуществляется по известному плану и направлено на достижение одной определенной цели, оно воспринимается как внутренне единый акт, а не как переменчивый временной поток, поэтому внутри действия в определенном смысле нет времени — оно все в настоящем. Перед мысленным взором действующего субъекта все действие предстает как единое вневременное целое со своей внутренней логикой и последовательностью операций. При этом основное внимание фиксируется на желаемом результате действия и на способах его достижения. Действие строится вокруг результата и осмысливается в языковом семиозисе как единое понятие (концепт), имеющее название; как подчеркивает Деннет (Dennett, 1996, с. 159), концепты существуют в нашем предметном мире потому, что у нас есть язык. Например, завязать шнурки на ботинках — это единое действие, для которого существует словесное обозначение. Движения, входящие в состав этого действия, пусть и важные сами по себе, не имеют отдельных словесных описаний, не являются понятиями языка и осваиваются по принципу «делай, как я». В языковом семиозисе действие завязывания шнурков выступает как неделимая смысловая единица. Поэтому и осознанная структура времени (прошлое — настоящее — будущее) начинает формироваться не внутри действий, а при их связывании в цепочки и структуры в реляционной области языка. Квант деятельности становится атомом времени.

Последовательность действий, к которой подстраиваются и остальные события, образует осмысленный временной ряд, организованный при помощи базовых времяобразующих соотношений «до» и «после», связывающих то, что есть (настоящее), с тем, чего уже нет (прошлое) или еще нет (будущее). Построение такого ряда возможно только в

языковом семиозисе и опирается на одну из основных функций языка — говорить о том, чего нет, и формировать мысли об отсутствующем (Morris, 1938). Отдельные сенсомоторные образы не могут стать воспоминаниями, пока они не включены в рационально и осознанно построенный временной ряд историко-биографического характера. Время «отражает — в языковом семиозисе — особенности когнитивной деятельности человеческого организма по упорядочиванию опыта взаимодействия с миром» (Кравченко, 2019а, с. 80). В первую очередь этот опыт включает в себя текущие (находящиеся «перед чувствами» здесь и сейчас) взаимодействия и отношения с миром, а также прошлые взаимодействия и отношения, которые «прошли» мимо наблюдателя (вышли за пределы его поля восприятия здесь и сейчас), но остались в памяти. Изначальная укорененность опыта в «текущем» либо уже «протекшем» чувственном восприятии объясняет тот факт, что во многих языках мира (в том числе русском и английском) грамматическая категория времени представлена бинарной оппозицией «прошедшее — настоящее», а референция к будущему осуществляется посредством аналитических конструкций, исторически сформировавшихся значительно позднее.

Сохраняющийся в памяти опыт составляет основу того, что мы называем опытным знанием, а сама память обеспечивает контроль адекватности дальнейших взаимодействий организма со средой в ситуациях, аналогичных уже пережитым. Другими словами, память позволяет ориентироваться в текущей ситуации и принимать поведенческие решения, направленные на поддержание целостности организма как живой (когнитивной) системы. Впервые переживаемый опыт, еще не отложившийся в памяти, не может выступать в роли надежного ориентира при выборе поведенческой стратегии, и это также находит отражение в языке: о действиях можно говорить как о чем-то наблюдаемом «здесь и сейчас», или как о чем-то известном в силу имеющегося у говорящего опыта, сохраненного в памяти, то есть речь идет о категоризируемых в языке двух типах знания — «феноменологическом» и «структуральном» (Goldsmith, Woisetschlaeger, 1982). Есть основания полагать, что это различие является языковой универсалией (Кравченко, 2019б) и выражается в разных языках (Kravchenko, 2018).

5. Мыследействия в прошлом и будущем

Структура настоящего включает не только физически происходящие события и совершаемые действия, но и чисто ментальные компоненты, такие как знания о прошлом и планы на будущее, которые используются для принятия решений или просто переживаются как воспоминания, мечты или фантазии. Все это построено из мыследействий на разной стадии активации — от фактически совершаемых («настоящее» настоящее) до ментально проигрываемых (например, грез о грядущем отпуске). Такие виртуальные действия интенсифицируют наше и без того интенсивное настоящее, придавая его «многости» дополнительные измерения. Каким же образом возможное, прошлое и будущее вплетаются в ткань настоящего?

Рефлексивные мыследействия играют ключевую роль в конструировании темпоральной динамики, создавая точки разрыва (Auletta, 2011) в восприятии нами собственных действий. Благодаря этим разрывам наша когнитивная сфера расширяется, выходя за границы непосредственной чувственной данности. В языковом семиозисе мы нарушаем непрерывность экспериенциального потока, выделяя какой-то его фрагмент посредством операции различения (именования) и осмысливая это различие как самостоятельную сущность, которая может быть ре-презентирована (то есть повторно представлена) нашему восприятию в результате совершаемого мыследействия. Как воспоминания, так и образы будущего становятся главными объектами внимания, а наличная действительность отступает на второй план и служит для них фоном, своего рода декорацией-задником.

Вот простой пример. Человек стоит в только что купленной пустой квартире и размышляет о том, что в ней надо сделать. Он вспоминает ремонт родительского дома, в котором он принимал участие в детстве. Пустое пространство новой квартиры оживает эпизодами прошлого и мыследействиями ремонта (поклейки обоев, покраски потолка и т.п.). Воссозданные и обогащенные воображением, эти воспоминания органично перетекают в образы будущего ремонта. Одни и те же мыследействия оказываются как строительным материалом воспоминаний, так и фундаментом будущих планов. Обратим внимание на трехчастную структуру: будущее квартиры обретает форму в ее настоящем благодаря прошлому опыту ее нового хозяина. Напрашивается аналогия с гуссерлевской феноменологией настоящего: ретенция и протенция — это и есть прошлое и будущее в микромасштабе. Однако сходство лишь частичное. Ретенция и протенция столь же неосознанны, как и первичное восприятие, и тесно увязаны с ним в единое целое. Прошлое и будущее, напротив, — это вполне осознанные интенционально целостные конструкторы, которые можно мыслить по отдельности.

Прошлое дает ключ к смыслу настоящего и формирует будущее. Представим себе встречу с одноклассником, которого мы успели забыть. Перед нами незнакомец. Но вот он называет свою фамилию, имена учителей, и происходит внезапная трансформация: незнакомец становится близким человеком, и старая дружба возобновляется. В этом примере прошлое дарит нам не просто предысторию, но прямой смысл настоящего и перспективу будущего. Для этого потребовалось переключить внимание с непосредственного восприятия на ре-презентацию прошлого опыта. Настоящее осмысливается, будучи освещено светом прошлого.

6. Прошлое в настоящем

Ре-презентация деталей доступного нашему сознанию темпорального ландшафта памяти дает нам прошлое в чистом виде, как вновь переживаемое когда-то-настоящее, соответствующее актуальным потребностям и запросам. Прошлое — это одновременно и процесс ре-презентации опыта, и продукт этого процесса. Прошлому как процессу

мыследействия отвечает грамматическое прошедшее время глаголов (мы *были*...), а результат этого процесса может принять форму существительного и стать самостоятельным объектом рефлексии (*былое*...). Такое квазиобъективное прошлое может подвергнуться трансформации, например при помощи сослагательного наклонения (Не встречал *бы* вас, не страдал *бы* так...). С мысленно изменяемым прошлым мы знакомы по литературным жанрам альтернативной истории и путешествий во времени.

Однако лишь непрерывно меняющаяся реальность настоящего только и существует в полном смысле слова. Трудность понимания таких категорий, как «время», «настоящее», «бытие», в том, что мы пытаемся рассматривать их как обычные предметы или понятия (так как их грамматическая форма как существительных предполагает эту возможность), хотя на самом деле они представляют собой сложившиеся в языке понятийные различия и соотношения между аспектами настоящего и составляющими его предметами и явлениями. Таким образом возникает иллюзия равноправия будущего, прошлого и настоящего как различных, но равнозначных моментов или интервалов времени на хронологической линии. Однако настоящее — это наша жизненная динамика в совокупности всех ее темпоральных смыслов. Настоящее объемлет все, что есть, и вся наша деятельность по реконструкции прошлого — это лишь способ понять смысл настоящего и раскрыть тайну его рождения.

Прошлое является такой же частью настоящего, как и все наши мысли и эмоции. Машина времени невозможна не физически, а логически, и именно потому, что ее действие подразумевает наличие прошлого как чего-то отдельного от настоящего, куда якобы можно переместиться. На самом деле наша память — это и есть машина времени: она позволяет переживать прошедшее, не покидая настоящего. Воспоминания конфигурируют наши взаимодействия с сегодняшним окружением. Мыслимое прошлое не составляет объективной и непрерывной хронологической оси. Она и не требуется. Мы ищем и находим в прошлом причинные связи, исторически интерпретирующие настоящее, и экстраполируем их в будущее.

Прошлое и настоящее нераздельно образуются в процессе развития личности. Если рефлексивная реконструкция прошлого нарушается, то нарушается весь ход когнитивного развития. Субъект, не осознающий собственной биографии, теряет чувство осмысленности собственных действий. Как подтверждают многочисленные и общеизвестные факты, потеря биографической памяти, как правило, сочетается с деградацией личности и общей неадекватностью (Mesulam, 1982).

Взаимообусловленность настоящего и прошлого работает и в обратную сторону: если меняется наше настоящее, то меняется и прошлое (Maturana, 2012). Жители нашей страны, особенно старшее поколение, хорошо помнят, сколько раз радикально менялся образ прошлого под влиянием политических реалий, а Дж. Оруэлл прекрасно описал этот процесс в своей антиутопии «1984». Мы все знакомы с идеализацией умерших, детства и вообще с ностальгией по прошлому. Возможно и

обратное: разочарование в прежних иллюзиях может привести к негативной тенденциозности в образе собственного прошлого. В подобных случаях аффективную тональность рефлексии задают постоянно меняющиеся эмоции. В этой «экологии времени» проявляется суть человека как темпорального существа, который не просто живет в заданной извне темпоральной реальности, но активно ее формирует.

7. Будущее как мыследействие

Смысл и функция будущего могут напомнить о гуссерлевской протенции, однако это лишь частичное сходство. В отличие от протенции, будущее в принципе не зависит от актуальной сенсомоторики. Его образы конструируются воображением из ре-презентированного прошлого опыта и возможных мыследействий, причем сама возможность таких мыследействий обусловлена достаточной мерой опыта, подсказывающего, что если что-то было много раз, оно, скорее всего, будет снова. Многогранность же этого опыта, категоризированного в реляционной области языка посредством знаков и метазнаков разной структурной сложности (Кравченко, 2015), позволяет конструировать самые различные сценарии для событий, мыслимых как возможные и/или вероятные, то есть как будущие. События, мыслимые как вероятные, желательные или нежелательные, вместе с мыследействиями, способствующими этим событиям или же их предотвращающими, образуют область интенциональности — неслучайно во многих языках формы будущего времени образуются с помощью модальных глаголов или глаголов движения. Трудно достижимые желания формируют мечты и фантазии (например, можно думать о своем будущем прыжке на аттракционе банджи-джампинг в Испании, не сходя со своего дивана во Владивостоке и плохо представляя себе, что это такое). Планы на будущее, которые мы храним в памяти, принадлежат настоящему и даже, в определенном смысле (как состоявшиеся ранее акты мысли), прошлому.

Мы мыслим о будущем ради решения проблем настоящего. Прошлое придает смысл настоящему в плане генетическом и когнитивном, а будущее — в плане интенциональном. Если прошлое помогает понять и узнать настоящее, то будущее разъясняет нам его назначение. Если в прошлом мы ищем ответ на вопрос «Почему?», то будущее отвечает на вопрос «Зачем?». Мы все время в пути: «Путник, у твоих стоп дорога и более ничего. Иди и проложи тропу» (Varela, 1987, p. 63). Если прошлое — это, условно говоря, пункт отправления, то будущее — это один из возможных пунктов следования, который выбирает путник. И то и другое необходимо, если мы хотим увидеть весь путь в его целостности. Будущее помогает нам действовать намеренно.

Конструирование будущего в мыследействиях субъекта можно представить себе как результат реактивации и трансформации переосмысленного опыта прошлого. Если прошлое — это процесс рефлексии над динамикой жизненного опыта, то теперь результат этой рефлексии становится объектом нового мыследействия, результат кото-

рого Пиаже называет «отрефлексированной абстракцией» или «рефлексивной мыслью» (Piaget, 1977; Glasersfeld, 1995). Будущее — это порождение интенциональной творческой рефлексии над опытом прошлого.

8. Заключение

Предложенный нами подход помогает взглянуть на концептуальную структуру времени с новых позиций. Временные категории настоящего, прошлого и будущего составляют осознанный способ взаимодействия человека с миром и со своей когнитивной динамикой (что, в принципе, одно и то же). Язык как семиотический механизм операций над абстракциями позволяет мыслить об отсутствующем. Прошлое — это мысль человека о том, чего *уже* нет, а будущее — о том, чего *еще* нет. Время — это необходимый человеку конструкт, который помогает упорядочить экспериенциальный динамический поток и организовать использование памяти и воображения для решения текущих задач. В процессе собственного развития как живой системы, обладающей уникальной способностью к языковому семиозису, человек превращает «кванты» категоризированного в языке опыта в ценностные ориентиры, получая эффективный и осмысленный контроль над своими действиями. Темпоральное мышление формирует когнитивные связи между сегментами экспериенциального потока, выходящими за рамки актуального перцептуального поля. Настоящее дается нам в многообразии внешних и внутренних аспектов, спаянных мыследействиями в едином жизненном процессе, в котором прошлое ре-презентирует то, что когда-то было нашим настоящим, а будущее во-ображает наши интенции. Такое понимание времени позволяет подойти к философским вопросам его онтологии и эпистемологии с конструктивистских позиций, открывая широкий горизонт для дальнейших исследований.

Список литературы

- Августин Аврелий.* Исповедь. История моих бедствий. М., 1992.
Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М., 1990.
Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.
Кошелев А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М., 2018.
Кравченко А.В. К когнитивной теории времени и вида // *Филологические науки.* 1990. №6. С. 81–90.
Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.
Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство* : сб. в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 51–65.
Кравченко А.В. Грамматика в когнитивно-семиотическом аспекте // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. М., 2015. С. 574–594.
Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // *Вестник Томского государственного университета.* Сер.: Филология. 2016. №3. С. 14–26.
Кравченко А.В. «Сознание» как экологическое понятие // *Ноосферные исследования.* 2017. №2. С. 5–16.

Кравченко А. В. Информационные технологии и когнитивное развитие: взгляд с эколингвистических позиций // Вопросы психолингвистики. 2019а. №4. С. 76–91.

Кравченко А. В. Насколько экзотичен «принцип непосредственности восприятия» в языке пираха? // Сибирский филологический журнал. 2019б. №1. С. 148–160.

Лекторский В. А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // Вопросы философии. 2018. Т. 23, №2. С. 18–22.

Леонов А. А., Лебедев В. И. Психологические особенности деятельности космонавтов. М., 1971.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность, М., 1975.

Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект / сост. В. В. Петров. М., 1995. С. 95–142.

Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Дерево познания. М., 2001.

Охоцимский А. Д. Мыследействия как основа умственной работы // Вопросы культурологии. 2018а. №8. С. 28–40.

Охоцимский А. Д. Мыследействия как основа умственной работы // Вопросы культурологии. 2018б. №9. С. 29–41.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии [1940]. СПб., 2002.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.

Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.

Arendt H. The human condition. Chicago, 1998.

Auletta G. Cognitive biology: dealing with information from bacteria to minds. Oxford, 2011.

Bedny G., Karwowski W. A systemic-structural theory of activity. Boca Raton, FL, 2007.

Bergson H. Matter and memory. N. Y., 2004.

Bridgman P. W. The logic of modern physics. N. Y., 1958. Vol. 3.

Chomsky N. Reflections on language. N. Y., 1975.

Damasio A. Descartes' error: emotion, reason, and the human brain. N. Y., 1994.

Damasio A. The feeling of what happens: body and emotion in the making of consciousness. N. Y., 1999.

Dennett D. Kinds of minds: Toward an understanding of consciousness. N. Y., 1996.

Deutsch D. The fabric of reality. L., 1997.

Druzhinin A. S. Construction of irreality: an enactive-constructivist stance on counterfactuals // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 16, №1. P. 69–80.

Everett D. Don't sleep! There are snakes. Life and language in the Amazon jungle. N. Y., 2008.

Gallagher S. How the body shapes the mind. Oxford, 2005.

Gallagher S., Varela F. J. Redrawing the map and resetting the time: phenomenology and the cognitive sciences // Canadian Journal of Philosophy. Supplementary Volume. 2003. Vol. 29. P. 93–132.

Gendlin E. How philosophy cannot appeal to experience, and how it can // Language beyond postmodernism: Saying and thinking in Gendlin's philosophy. Evanston, 1997. P. 3–41.

Glaserfeld E. Radical constructivism: a way of knowing and learning. Bristol, 1995.

Goldsmith J., Woisetschlaeger E. The logic of the English progressive // Linguistic Inquiry. 1982. Vol. 13, №1. P. 79–89.

Guéron R. Le règne de la quantité et les signes des temps. P., 1945.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1927.

Husserl E. On the phenomenology of the consciousness of internal time / trans. by J. Brough. Dordrecht, 1991.

Järviölehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory // Integrative Physiological and Behavioral Science. 1998. Vol. 33. P. 317–330.

Kravchenko A. V. Linguistic semiosis and human cognition // *Constructivist Foundations*. 2020. Vol. 15, №3. P. 285–287.

Kravchenko A. V. On the implicit observer in grammar: aspect // *The explicit and the implicit in language and speech*. Newcastle upon Tyne, 2018. P. 12–34.

Kuhn T. S. *The essential tension: Selected studies in scientific tradition and change*. Chicago, 1977.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*. N. Y., 1999.

Mach E. *The analysis of sensations*. N. Y., 1959.

Maturana H. R. *Biology of cognition*. BCL Report # 9.0. / University of Illinois. Urbana, 1970.

Maturana H. R. *Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and biology of language and thought: essays in honor of Eric Lenneberg*. N. Y., 1978. P. 27–63.

Maturana H. R. *Ontology of observing: The biological foundations of self-consciousness and of the physical domain of existence // Texts in cybernetic theory: conference workbook (American Society for Cybernetics Conference, 18–23 October, 1988)*. Felton, 1988. P. 4–53.

Maturana H. R. *Reflections on my collaboration with Francisco Varela // Constructivist Foundations*. 2012. Vol. 7. P. 155–164.

Maturana H. R. *The biological foundations of self-consciousness and the physical domain of existence // Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien?* Munich, 1990. P. 47–117.

Maturana H. R., Mpodozis J., Letelier J. C. *Brain, language, and the origin of human mental functions // Biological Research*. 1995. Vol. 28. P. 15–26.

Maturana H. R., Varela F. J. *The tree of knowledge: the biological roots of human understanding*. Boston, 1984.

Mesulam M. *Slowly progressive aphasia without generalized dementia // Annals of Neurology*. 1982. Vol. 11, №6. P. 592–598.

Morris C. W. *Foundations of the theory of signs // International encyclopedia of unified science*. Chicago, 1938. Vol. 1, part 2. P. 1–59.

Noë A. *Action in perception*. Cambridge ; L., 2006.

Piaget J. *Genetic epistemology*. N. Y., 1970.

Piaget J. *Recherches sur l'abstraction réfléchissante*. P., 1977. Vol. 1.

Rizzolatti G., Sinigaglia C. *The functional role of the parieto-frontal mirror circuit: interpretations and misinterpretations // Nature Reviews Neuroscience*. 2010. Vol. 11. P. 264–274.

Schmidt R. A., Lee T. D. *Motor control and learning. A behavioral emphasis*. Leeds, 1999.

Steffe L. P. *Radical constructivism: A scientific research program // Constructivist Foundations*. 2007. Vol. 2, №2-3. P. 41–49.

Stewart J., Gapenne O., Di Paolo E. A. (eds.) *Enaction. Toward a new paradigm for cognitive science*. Cambridge, MA, 2011.

Thompson E. *Mind and life*. Cambridge, MA, 2007.

Urban P. *Foregrounding the relational domain – phenomenology, enactivism and care ethics // Horizon*. 2016. Vol. 5, №1. P. 171–182.

Varela F. J. *Laying down a path in walking // Gaia: A way of knowing. Political implications of the new biology*. Hudson, NY, 1987. P. 48–64.

Varela F. J., Thompson E., Rosh E. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA, 1991.

Ward D., Silverman D., Villalobos M. *Introduction: The varieties of enactivism // Topoi*. 2017. Vol. 36. P. 365–375.

Wittgenstein L. *Tractatus logico-philosophicus*. L., 1922.

Zahavi D. *Inner time-consciousness and pre-reflective self-awareness // The new Husserl: A critical reader*. Bloomington, 2003. P. 157–180.

Об авторах

Андрей Дмитриевич Охоцимский, кандидат физико-математических наук, независимый исследователь, Бельгия.

E-mail: andrew_simsky@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0902-3634

Александр Владимирович Кравченко, доктор филологических наук, профессор, Байкальский государственный университет, Россия.

E-mail: sashakr@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6300-0540

Андрей Сергеевич Дружинин, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России, Россия.

E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

Для цитирования:

Охоцимский А. Д., Кравченко А. В., Дружинин А. С. Мыследействия и генезис времени в языковом семиозисе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №2. С. 7–28. doi: 10.5922/2225-5346-2021-2-1.

ACTION-THOUGHTS AND THE GENESIS OF TIME IN LINGUISTIC SEMIOSIS

A. Simsky¹, A. V. Kravchenko², A. S. Druzhinin³

¹ independent researcher

Groenstraat 169, Leuven, Belgium

² Baikal State University

11 Lenin St., Irkutsk 664003, Russia

³ MGIMO University

76 Vernadsky Ave., Moscow, Russia

Submitted on January 3, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2021-2-1

The genesis of time is explained in the spirit of constructivism combined with the activity approach to cognition. The cardinal temporal categories of present, past, and future are discussed in terms of action-thoughts understood as elementary units of activity whose structure is determined by linguistic semiosis. Husserl's tripartite model of the phenomenology of time (prime perception, retention, protention) is applied to the analysis of the subject's experience of his actions. It is demonstrated that, while our lived present is composed of the actually performed actions, our past and future are constructed by reflexive action-thoughts in the cognitive domain of language. It is emphasized that the construction of a temporal sequence that unites what is and what already or still is not, is possible only in linguistic semiosis. The analogy with Husserl's tripartite structure of the time-consciousness flow helps elucidate the triad 'present-past-future' as an instance of the epistemological trap of language: 'past' and 'future' are mental constructs that belong to the present just as any other act of thinking.

Keywords: epistemology, constructivism, phenomenology, language, action, temporality

References

- Arendt, H., 1998. *The Human Condition*. Chicago.
- Arutunova, N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow (in Russ.).
- Augustine of Hippo, 1992. *Ispoved'*. *Istoriya moikh bedstviy* [Confessions of St. Augustine]. Moscow (in Russ.).
- Auletta, G., 2011. *Cognitive Biology: Dealing with information from bacteria to minds*. Oxford.
- Bedny, G. and Karwowski, W., 2007. *A Systemic-Structural Theory of Activity*. Boca Raton, FL.
- Bergson, H., 2004. *Matter and Memory*. New York.
- Bernstein, N.A., 1990. *Fiziologiya dvizhenii i aktivnost'* [Physiology of Movement and Activity]. Moscow (in Russ.).
- Bridgman, P.W., 1958. *The Logic of Modern Physics*. Vol. 3. New York.
- Chomsky, N., 1975. *Reflections on Language*. New York.
- Damasio, A., 1994. *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. New York.
- Damasio, A., 1999. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*. New York.
- Dennett, D., 1996. *Kinds of Minds: Toward an Understanding of Consciousness*. New York, NY.
- Deutsch, D., 1997. *The Fabric of Reality*. London.
- Druzhinin, A.S., 2020. Construction of irreality: an enactive-constructivist stance on counterfactuals. *Constructivist Foundations*, 16(1), pp. 69–80.
- Everett, D., 2008. *Don't Sleep! There are Snakes: Life and language in the Amazon jungle*. New York.
- Fasmer, M., 1986. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).
- Gallagher, S. and Varela, F.J., 2003. Redrawing the map and resetting the time: Phenomenology and the cognitive sciences. *Canadian Journal of Philosophy*, 33(sup1), pp. 93–132.
- Gallagher, S., 2005. *How the Body Shapes the Mind*. Oxford.
- Gendlin, E., 1997. How philosophy cannot appeal to experience, and how it can. In: D. M. Levin, ed. *Language Beyond Postmodernism: Saying and thinking in Gendlin's philosophy*. Evanston, pp. 3–41.
- Glaserfeld, E. von, 1995. *Radical Constructivism: a way of knowing and learning*. Bristol.
- Goldsmith, J. and Woisetschlaeger, E., 1982. The logic of the English progressive. *Linguistic Inquiry*, 13(1), pp. 79–89.
- Guénon, R., 1945. *Le règne de la quantité et les signes des temps*. Paris.
- Heidegger, M., 1927. *Sein und Zeit*. Tübingen.
- Husserl, E., 1991. *On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time*. Translated by J. Brough. Dordrecht.
- Järvillehto, T., 1998. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory. *Integrative Physiological and Behavioral Science*, 33, pp. 317–330.
- Koshelev, A.D., 2018. *Ocherki evolyutsionno-sinteticheskoi teorii yazyka* [Essays on the Evolutionary-Synthetic Theory of Language]. Moscow (in Russ.).
- Kravchenko, A.V., 1996. *Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoi kategorizatsii* [Language and Perception: Cognitive Aspects of Language Categorization]. Irkutsk (in Russ.).
- Kravchenko, A.V., 2009. On traditions, linguistics, and a cognitive approach. In: N.K. Riabtseva, ed. *Gorizonty sovremennoi lingvistikii: traditsii i novatorstvo* [The Horizons of Modern Linguistics: Tradition and Novelty]. Moscow, pp. 51–65 (in Russ.).

- Kravchenko, A. V., 2015. Cognitive-semiotic grammar. In: A. A. Kibrik and A. D. Koshelev, eds. *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and Thought: Contemporary Cognitive Linguistics]. Moscow. pp. 574–594 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V., 2016. The epistemological trap of language. *Tomsk State University Journal of Philology*, 3(41), pp. 14–26 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V., 2017. "Consciousness" as an ecological concept. *Noosfernye issledovaniya* [Noosphere studies], 2, pp. 5–16 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V., 2019a. Information technology and cognitive development: an ecolinguistic perspective. *Journal of Psycholinguistics*, 4(42), pp. 76–91 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V., 2019b. How exotic is the 'immediacy of experience principle' in Pirahã? *Siberian Journal of Philology*, 1, pp. 148–160 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V., 1990. Towards a cognitive theory of tense and aspect. *Filologicheskije nauki* [Studies in Philology], 6, pp. 81–90 (in Russ.).
- Kravchenko, A. V., 2018. On the implicit observer in grammar: aspect. In: L. M. Liashchova, ed. *The Explicit and the Implicit in Language and Speech*. Newcastle upon Tyne, pp. 12–34.
- Kravchenko, A. V., 2020. Linguistic semiosis and human cognition. *Constructivist Foundations*, 15(3), pp. 285–287.
- Kuhn, T. S., 1977. *The Essential Tension: Selected studies in scientific tradition and change*. Chicago.
- Lakoff, G. and Johnson, M., 1999. *Philosophy in the Flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*. New York.
- Lektorsky, V. A., 2018. Constructive realism as a modern form of epistemological realism. *Voprosy filosofii*, 23(2), pp. 18–22 (in Russ.).
- Leonov, A. A. and Lebedev, V. I., 1971. *The Psychological Aspects of Activities in Space Flight* [Psychological features of the activities of astronauts]. Moscow (in Russ.).
- Leontiev, A. N., 1975. *Activity. Consciousness. Personality* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow (in Russ.).
- Mach, E., 1975. *The Analysis of Sensations*. New York.
- Maturana, H. R., 1970. *Biology of cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois. Urbana, 1970.
- Maturana, H. R., 1978. Biology of language: The epistemology of reality. In: G. Miller and E. Lenneberg, eds. *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in honor of Eric Lenneberg*. New York, pp. 27–63.
- Maturana, H. R., 1978. Ontology of observing: The biological foundations of self-consciousness and of the physical domain of existence. In: *Texts in cybernetic theory: conference workbook (American Society for Cybernetics Conference, 18–23 October 1988)*. Felton, pp. 4–53.
- Maturana, H. R., 1984. *The tree of knowledge: the biological roots of human understanding*. Boston.
- Maturana, H. R., 1990. The biological foundations of self-consciousness and the physical domain of existence. In: *Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien?* Munich, pp. 47–117.
- Maturana, H. R., 1995. Biology of Cognition. In: V. V. Petrov, ed., *Jazyk i intellekt* [Language and intelligence]. Moscow, pp. 95–142 (in Russ.).
- Maturana, H. R., 2001 *Drevo poznaniya* [Tree of knowledge]. Moscow (in Russ.).
- Maturana, H. R., 2012. Reflections on my collaboration with Francisco Varela. *Constructivist Foundations*, 7, pp. 155–164.
- Maturana, H. R., Mpodozis, J. and Letelier J. C., 1995. Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 28, pp. 15–26.
- Mesulam, M., 1982. Slowly progressive aphasia without generalized dementia. *Annals of Neurology*, 11(6), pp. 592–598.
- Morris, C. W., 1938. Foundations of the theory of signs. In: O. Neurath, R. Carnap and C. W. Morris, eds. *International Encyclopedia of Unified Science*. Vol. 1, Part 2. The Chicago, pp. 1–59.

- Noë, A., 2006. *Action in Perception*. Cambridge & London.
- Okhotsimsky, A. D., 2018a. Thought actions as the basis of mental work. *Voprosy kul'turologii* [Questions of cultural studies], 8, pp. 28–40 (in Russ.).
- Okhotsimsky, A. D., 2018b. Thought actions as the basis of mental work. *Voprosy kul'turologii* [Questions of cultural studies], 9, pp. 29–41 (in Russ.).
- Piaget, J. 1977. *Recherches sur l'abstraction reflechissante*. Vol. 1, 2. Paris.
- Piaget, J., 1970. *Genetic Epistemology*. New York.
- Rizzolatti, G. and Sinigaglia, C., 2010. The functional role of the parieto-frontal mirror circuit: interpretations and misinterpretations. *Nature Reviews Neuroscience*, 11, pp. 264–274.
- Rubinstein, S. L., 1940. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow (in Russ.).
- Schmidt, R. A. and Lee, T. D., 1999. *Motor Control and Learning: A behavioral emphasis*. Leeds.
- Shchedrovitsky, G. P., 1995. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow (in Russ.).
- Steffe, L. P., 2007. Radical constructivism: A scientific research program. *Constructivist Foundations*, 2(2-3), pp. 41–49.
- Stewart, J., Gapenne O. and Di Paolo, E. A., eds., 2011. *Enaction: Toward a new paradigm for cognitive science*. Cambridge, MA.
- Thompson, E., 2007. *Mind and Life*. Cambridge, MA.
- Urban, P., 2016. Foregrounding the relational domain – phenomenology, enactivism and care ethics. *Horizon*, 5(1), pp. 171–182.
- Varela, F. J., 1987. Laying down a path in walking. In: W. I. Thompson, ed. *Gaia: A way of knowing. Political implications of the new biology*. Hudson, NY, pp. 48–64.
- Varela, F. J., Thompson, E. and Rosh, E., 1991. *The Embodied Mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA.
- Vygotsky, L. S., 1934. *Myshlenie i rech'* [Thought and Language]. Moscow (in Russ.).
- Ward, D., Silverman, D. and Villalobos, M. 2017. Introduction: The varieties of enactivism. *Topoi*, 36, pp. 365–375.
- Wittgenstein, L., 1922. *Tractatus logico-philosophicus*, London.
- Zahavi, D., 2003. Inner time-consciousness and pre-reflective self-awareness. In: D. Welton, ed. *The New Husserl: A critical reader*. Bloomington, pp. 157–180.

The authors

Dr Andrew Simsky, Independent Researcher, Belgium.

E-mail: andrew_simsky@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0902-3634

Prof. Alexander V. Kravchenko, Baikal State University, Russia.

E-mail: sashakr@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6300-0540

Dr Andrey S. Druzhinin, Associate Professor, MGIMO University, Russia.

E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

To cite this article:

Simsky, A., Kravchenko, A. V., Druzhinin, A. S. 2021, Action-thoughts and the genesis of time in linguistic semiosis, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 2, p. 7–28. doi: 10.5922/2225-5346-2021-2-1.